Козёл козёл.Мифологические представления о К. подчёркивают прежде всего его исключительную сексуальность (в сниженном виде похотливость) и плодовитость.

Отсюда его связь с божествами и другими мифологическими персонажами, олицетворяющими эти качества, литовским Перкунасом, славянским Перуном, скандинавским Тором вплоть до громовержца в так называемом основном индоевропейском мифе, а также божествами, так или иначе связанными с плодородием, в частности с буйной растительностью Пушаном у индийцев (при жертвоприношении коня он получил в качестве своей доли К., поэтому колесница его, так же как колесница Перкунаса, Перуна, Тора и др., запряжена К.; ср. выражение «служить за козла на конюшне»), Пушкайтсом у пруссов (Пушкайтс связывается с бузиной, которая в других традициях, например у румын, соотносится с К.), Паном у греков (имена Пана, Перуна, Пушкайтса, вероятно, восходят к общему индоевропейскому корню pus, «расцветать, делать плодородным»). Аспект плодородия подкрепляется также свидетельствами, почерпнутыми из ритуальной сферы.

С Пушкайтсом соотносится обряд жертвоприношения К. и связанная с ним символика изобилия (ср. также мотив жертвоприношения К. козлоногому, козлорогому и козлобородому Пану, сопоставимый с мотивом превращения в К. Диониса, в свиту которого входит Пан).

Русская сказка о «козе лупленой» и словацкая ритуальная игра в козу содержат мотивы выживания козой из своего жилища всех других животных и последующего изгнания самой козы пчелой или ежом. Насильственное извлечение мифологического персонажа, олицетворяющего плодородие, из своего убежища позволяет через ряд промежуточных этапов сопоставить козу с образами древних переднеазиатских божеств плодородия типа хеттского Телепинуса, также ужаленного пчелой и после этого вышедшего наружу.

В некоторых традициях ритуалы плодородия предусматривали сожитие женщины с К.Вместе с тем наряду с аспектами плодородия в мифах и особенно в восходящих к ним традиционных представлениях фигурирует бесполезность и непригодность К., иногда козы (ср. выражения: «как от козла ни шерсти, ни молока», «козла доить» и др.), некая его сомнительность, нечистота, несакральность (ср. противопоставление К. или козлищ агнцу). К. связывается и с нижним миром и тем самым с жертвоприношением особого рода: по славянским поверьям, водяного можно умиротворить шерстью чёрного козла,

злой домовой мучает всех животных, кроме К. и собаки (ср. также представление о козлином копыте дьявола); у некоторых народов во время похоронного обряда чёрный козёл приносился в жертву, чтобы служить умершему пищей, которая поможет ему возродиться (следы этих представлений прослеживаются в библейском сюжете «козла для отпущения грехов», Лев.

16, 9 10). Мотив жертвоприношения прослеживается также в поздних (в основном фольклорных) источниках. В сказке об Алёнушке и братце Иванушке, обнаруживающей несомненные связи с ритуалом, подчёркивается мотив замышляемого убийства обращённого в К. Иванушки; при этом убийство изображается как некое жертвоприношение («огни горят горючие, котлы кипят кипучие, точат ножи булатные, хотят козла зарезати », ср. также выражения «забивать козла», «драть козу», «драть, как Сидорову козу»).

В этом же контексте находятся и такие обрядовые действа, как рождественские и масленичные обходы «туроня» в сопровождении старого деда-стрелка, пытающегося стрелой или палкой поразить «туроня», или игры ряженых с козой, причём сначала поётся: «Где коза ходит, там жито родит , где коза ногою, там жито копною » (аспект плодородия), после чего козу убивают стрелой, затем она вновь оживает, и снова поётся песня о плодородии. В последнем обряде, как и в русской сказке, выделяются два мотива: мотив не состоявшегося заклания К. или козы (смерть оказывается мнимой, или же после смерти снова наступает жизнь) и мотив травестийности (К. превращённый Иванушка; «туроня» изображают два человека; ср. загадки о К.: «С бородой уродился, богу угодился, святой быть не может», «С бородой, а не мужик» и представление о К. как превращённом добром молодце в сказке «Сопливый козёл», Афанасьев, № 277).Мифологическая история К. углубляется с привлечением материалов палеолитической живописи, а также искусства и фольклора позднейших эпох (сюжеты типа «К. у дерева» или «К., запутавшийся в ветвях» статуэтка из Ура, вплоть до «Как пошёл наш козёл да по ельничку »), установлением связи К. с другими божествами Герой, Дионисом, Афродитой; Агни, Варуной, Индрой; Мардуком, Таммузом, Нингирсой, Эйя и др.

Иногда с К. соотносятся некоторые мифологически и сакрально отмеченные атрибуты, позволяющие восстановить важные звенья мифологических представлений о связи К. с божествами грозы. Эгис, или эгида (собств. «козья шкура»), атрибут Зевса, Афины, иногда и Аполлона.

По Гомеру, эгида представляет собой щит, изготовленный Гефестом для Зевса (отсюда

Зевс-Эгиох). Позднее считалось, что эгида это шкура козы Амалфеи, натянутая на щит (некоторые исследователи видят здесь воспоминание о древнейшем обычае защищать левую руку козьей шкурой); другой вариант мифа изображает эгиду как огнедышащее чудовище, порождённое Геей и убитое Афиной, сделавшей себе из него щит (с середины VI в. до н. э. щит-эгида из козьей шкуры становится постоянным атрибутом Афины; ежегодно на Акрополе в жертву Афине приносился козёл, шкура которого как эгида возлагалась на статую богини); ср. также представление о К. как символе тучи, скрывавшей молнии Зевса, и индоевропейский образ К. как зооморфного символа молнии, грома.

Образ К. связывается также с астрономической и временной символикой (ср. Capricornus, или «рогатый К.»); Козерог как один из знаков Зодиака, название месяца, связанного с К. в китайском и некоторых других анимальных календарях; К. как минойский бог убывающего года, в отличие от барана как бога прибывающего года и т. п. Ср. также символику образа К. в народной медицине, геральдике, толкованиях снов (сладострастие, плодородие, богатство, жизнь смерть, глупость, непостоянство в любви) и т. д.

Литература :

Богатырев П. Г., Вопросы теории народного искусства, М., 1971, с. 34 37;
Топоров В. Н., Русское «заби(ва)ть козла», в сб.: Studia linguistica A. V. Issatschenko, Lisse, 1978;
Frazer J. G., The Scapegoat, L., 1925.